

Здѣсь же мы позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу того обстоятельства, что книга, выходящая послѣ смерти Л. Э., появляется, тѣмъ не менѣе, подъ его редакціей. Вслѣдствіе желанія автора, издатель просилъ Л. Э. просмотрѣть рукопись и высказать свое мнѣніе о ней. Передъ нами сейчасъ лежитъ письмо Л. Э. Шишко — отвѣтъ на просьбу издателя. Находя, что наша работа „недостаточно популярна въ смыслѣ общедоступности“, Л. Э. пишетъ дальше: „Это—попытка помочь читателю,—уже вполне владѣющему и научнымъ языкомъ и способностью къ отвѣченному мышленію,—разобраться въ историко-философскихъ вопросахъ. Въ этомъ смыслѣ, это — очень серьезный трудъ и вполне заслуживаетъ вниманія. Было бы очень желательно видѣть этотъ трудъ въ печати. Въ небольшомъ объемѣ онъ даетъ много полезной работы уму читателя“.

Отзывъ Л. Э. рѣшилъ вопросъ о выпускѣ книги, послѣ чего Л. Э. предоставилъ издателю право выставить на ней свое имя, какъ редактора, безъ вторичнаго просмотра.

Л. Лойко.

ОТЪ АВТОРА.

Задача автора — по мѣрѣ силъ помочь читателю, уже нѣсколько начитанному, разобраться въ *основныхъ* философско- и историко-соціологическихъ вопросахъ, облегчить ему пониманіе корня разногласій въ русскомъ социалистическомъ лагерѣ.

Разногласія эти не затрагиваютъ принциповъ социалистическаго идеала, въ его высшей стадіи, а относятся къ вопросу о путяхъ, ведущихъ къ нему, и имѣютъ очень большое теоретическое и, главнымъ образомъ, практическое значеніе. Совсѣмъ не безразлично — видятъ ли люди въ исторіи лишь стихійный, бессознательный, механический процессъ, а въ человѣкѣ, въ личности — лишь продуктъ среды, лишь механизмъ, приводимый послѣдней въ движеніе, — или они полагаютъ, что „исторія — это постоянный процессъ, непосредственной пружиной котораго являются воля и чувства людей“, что „человѣкъ есть факторъ собственной исторіи и вершитель собственной судьбы“. Не все равно — смотримъ ли мы на личность, какъ на безсильную игрушку въ рукахъ законовъ природы и исторіи, — или видимъ въ ней *дѣйственное* начало историческаго процесса. Далеко не все равно — считаемъ ли мы неизбѣжнымъ полный расцвѣтъ существующихъ социальнo-экономическихъ отношеній, со всѣми тяжкими условіями жизни эксплуатированныхъ, и столь же неизбѣжнымъ, вслѣдъ за этимъ расцвѣтомъ, наступленіе социалистическихъ порядковъ, — или, отрицая всякій фатализмъ, мы думаемъ, что человѣкъ уже достигъ той высоты сознанія и той степени относительной свободы воли, при которыхъ онъ можетъ самъ въ значительной степени творить свою исторію. Въ первомъ случаѣ, оставаясь послѣдовательными, мы скрещиваемъ „руки на груди“ — и этой позой отвѣчаемъ на всѣ ужасы всяческаго гнета условій, — или, самое большее, подталкиваемъ, стараясь уско-